

ется и свидетельством Абу-л-Хасана ал-Масуди (писал ок. 946 г.).

При изучении текста известного арабского библиографического словаря «Фихрист» Ибн ан-Надима (ум. в 990 г.) мы обратили внимание на любопытную информацию о возможном общении болгар с халифатом за сто лет (или около этого) до Ибн Фадлана. Сообщая о деятельности аббасидского халифа ал-Мамуна, известного своим покровительством ученым и литераторам, Ибн ан-Надим отмечает, что у ал-Мамуна была «Книга (возможен перевод «письмо», но он менее вероятен) ответа царю ал-булгар на то, о чем (царь) спрашивал его из положений мусульманского вероучения и единобожия».

Судя по времени правления ал-Мамуна (813-838 гг.), речь идет о том, что царь болгар обращался к Багдаду по поводу принятия ислама еще в первой трети IX в. Если это так, то упоминание Ибн ан-Надима свидетельствует о том, что образование государства у болгар следует отнести ко времени, более раннему, чем обычно принято считать. Обращение болгарского царя в ислам обычно связывается с политическим противостоянием Волжской Булгарии с Хазарским каганатом, где правители придерживались иудаизма, но для первой трети IX в. подобное противостояние не столь вероятно. Если же у Ибн ан-Надима допущена ошибка, то упоминание письма-ответа на запрос царя болгар, даже если оно и относится к более позднему времени, представляет интерес как свидетельство связей Волжской Булгарии с халифатом и подтверждение определенного уровня мусульманской образованности в столице волжских болгар.

Сорокин С. Б. (Харьков)

К сведениям Ибн-Хордадбега о городах ар-Рума

Данные Ибн-Хордадбега о городах и крепостях Византии обычно воспринимаются исследователями как несомненный показатель продолжавшегося упадка городской жизни империи. Действительно, будучи весьма осведомленным ученым, исполняя обязанности начальника главного почтового ведомства халифата, автор «Книги путей и стран» сумел весьма подробно описать границы и дороги провинций — фем Византии, повествуя об аль-Магрибе, то есть землях к западу от Багдада, лежащих за пределами собственно территории халифата, какими они были в 846/7-845/6 гг. Во всяком случае, в сочинении нет фактов позднее или ранее этих дат. Однако считается, что Ибн-Хордадбек называл только пять городов в Малой Азии (Эфес, Никею, Аморий, Анкиру и точно не локализованную Самалу), тогда как остальные центры были лишь военными укреплениями или укрепленными деревнями.

В свое время Г. Острогорский выразил сомнение в точности смысла такого утверждения арабского писателя, полагая, что, как и в других случаях, здесь везде следовало бы говорить только об укрепленных местах, укрепленных городах. Но и в лейденском издании М. де Гье с пере-

водом на французский язык (1889), и в бакинском издании Н. Велихановой с переводом на русский (1985) присутствует дихотомия единого понятия «город-крепость». Между тем сам Ибн-Хордадбех не был столь последователен в своих дефинициях. В названной пятёрке малоазийских городов Самату (Самалух), равно как и Эфес (Афёсе), он отнес к крепостям. Уже одно это обстоятельство должно настораживать, поскольку из других источников явствует, что Эфес отнюдь не был только военным укреплением. В его гавани «толпились корабли», по выражению автора жития Григория Декаполита, описывавшего увиденное святым в этом портовом торговом центре.

Как крупный город упоминал Эфес и Продолжатель Феофана, описывая правление Михаила III. Поэтому имеет смысл еще раз обратиться к перечню населенных мест, приведенному Ибн-Хордадбехом для 14 фем Византии. Из него становится ясным, что автор был информирован о 13 «укрепленных городах» в трех европейских фемах и трех «городах» и 131 «крепости» в 11 азиатских фемах. Кроме того, он называл портовые города Авидос и Мусанна в феме Опсикий, вифинские Доридей и Малагину, так называвшую «Земляную крепость», расположенную напротив Никеи, и Бургус близ Амория. Описывая путь, ведущий из Каппадокии к Аморию и Константинополю, Ибн-Хордадбех вновь перечислил около трех десятков городов, населенных пунктов и крупных деревень, а рассказывая о диковинках земли, упоминал еще один византийский город (балад) на берегу Черного моря, Мустатилу, отмечая обилие дождей, выпадающих там «беспрерывно зимой и летом». Все приведенные в этом перечне места воспринимаются как населенные пункты, большие или меньшие, защищенные крепостными стенами и, следовательно, играющие одновременно роль укрытия, военного укрепления и поселения городского типа. Видимо, таким стал привычный облик основной массы византийских городов.

Процесс укрепления полисов, превращения их в крепости — «кастра» — стал набирать силу еще с V-VI вв., охватывая как внешние пределы, так и внутренние территории империи, чему мы имеем весьма выразительные примеры (Никея, Эфес, Пергам, Стоби, Сердика, Месемврия и др.). Случалось, что в укрепления превращали даже отдельные районы старых городов, одновременно возводя новые укрепленные города-крепости, способные выдержать нападения «скифов», как это было, например, во Фракии в правление Льва Армянина. Показательно, что Ибн-Хордадбех, называя Аморий городом, добавлял после этого: «Число городских башен — 44». Вместе с неумолимо надвигающимися внешними и внутренними изменениями название города-полиса постепенно все чаще менялось на город-кастрон, которое стало преобладающим в византийских источниках к X в. Бывало, термином «кастрон» обозначались небольшие поселения и даже поместья, но в любом случае это были укрепленные места, как следует из этимологии этого слова. В целом развитие топографии византийских городов шло по нескольким направлениям, которые позволяют выделить среди них складывание городов типа:

1) укрепленной крепости — акрополя; 2) акрополя, связанного с укрепленным пригородом; 3) укрепленного пригорода и еще одного пригорода рядом с ним (Т. Грегори, В. Мюллер-Винер).

Трансформация, вызывавшая превращение города в хорошо укрепленный кастрон, не обязательно влекла экономический упадок населенного места. Так, Феофан упоминал под 765 г. кастрон Месемврию, однако хорошо известно, что, как и Эфес, это был не только стратегически важный военно-политический центр, но и город с двумя хорошо оборудованными портами, через которые шла оживленная посредническая торговля Византии с Болгарией и где существовал крупный пост коммерciareев. Эпиграфические и нарративные источники многожат такого рода примеры византийских городов, которые, называясь «кастроны», тем не менее являлись не только крепостями, но и сохраняли значение эмпориев — мест сбора торговых пошлин (Авидос, Силимвриа, Редесто, Адрианополь, Херсон вместе с «местностями в нем»). Такого рода корректировка понятия «крепость» позволяет пересмотреть представление о состоянии византийских городов согласно сообщениям Ибн-Хордадбега, отметив, что часть их, безусловно, сохраняла торгово-экономическое значение.

Цитковская Ю. И. (Харьков)

Шелковые ткани из Нетайловского могильника

В странах Востока и Средиземноморья в эпоху раннего средневековья шелк, благодаря прочности своего волокна, тонкого, мягкого и эластичного, а также способности легко окрашиваться, считался ценнейшим текстильным сырьем. Крупными центрами шелководства и шелкоткачества того времени, по данным письменных источников, являлись: в Средней Азии — Самарканда, Бухара и Мерв; в Иране — Шираз, Иезд, Нишапур, Тебриз и Рей; в Византии — Константинополь, Солунь, Коринф, Фивы; в Испании — Альмерия, Кордова, Севилья, Мурсия, Малага и Гренада. Продукция этих мастерских находила широкий сбыт в европейских и азиатских странах.

Можно предположить, что во внешнеэкономических связях населения Подонья в VIII-X вв. шелк играл тоже значительную роль. Об объеме шелкового импорта известно представление лавот находки шелковых изделий, обнаруженные при раскопках Нетайловского могильника.

Из числа вскрытых археологической экспедицией под руководством А. В. Крышанова в 1991-1994 гг. погребений (№№ 125-174, 186-213) остатки шелка зафиксированы в четырех могильных ямах (№№ 131, 143, 164 «Б», 208). Учитывая же плохую сохранность шелка в земле, несовершенную технику выемки из погребений, несомненным является то, что найденные фрагменты составляют лишь небольшую часть того количества шелковых тканей, которые обращались на местном рынке.

Шелковый текстиль из Нетайловского могильника представлен раз-